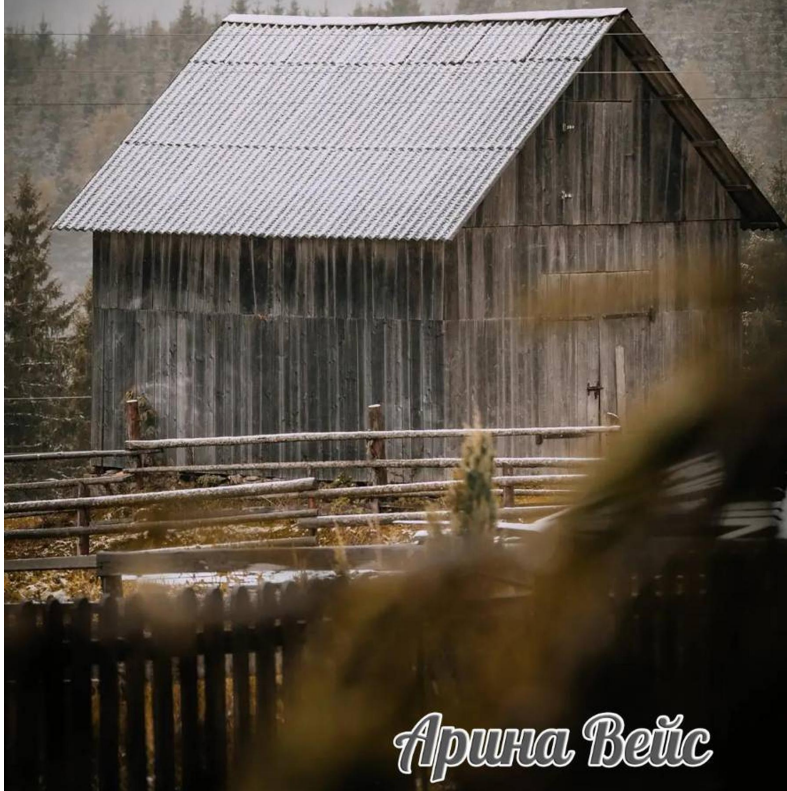

Самайн в Заречье

Арина Вейс

Арина Вейс Самайн в Заречье

<https://litres.ru/74687854>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Заречье река поёт чужим голосом – и деревня, сама того не ведая, подпевает. В её мелодии прячется не просто зов, а древняя граница, что стирает имена и стирает память. Марья не владеет колдовством, но знает: дом держится на простых словах, на запахе хлеба, на стуке ложки о миску. Пока деревня забывает, кто она, туман ползёт по тропам, а из темноты доносятся чужие шаги. И когда Лида слышит в песне не приглашение, а предупреждение, становится ясно: река не манит – она кричит. Только никто не хочет её слушать.

Содержание

Часть 1. До границы	4
Часть 2. Ночь Самайна	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Арина Вейс

Самайн в Заречье

Часть 1. До границы

Утро в Заречье начиналось с запаха мокрого дерева и дыма. Марья чинила забор у самой воды, чувствуя, как сырость пробирается под куртку и оседает в костях. Рядом, на поваленном бревне, сидел Ваня – ему было двенадцать, и он уже считал себя взрослым помощником. Он молча подавал ей гвозди, один за другим, будто это был какой-то важный ритуал.

– Мам, – тихо сказал он, не глядя на реку. – А ты правда думаешь, что сегодня ничего не будет?

Марья вздохнула, постучала молотком по шляпке гвоздя, чтобы та села ровно. Звук получился глухой, будто утонул в сыром воздухе.

– Сегодня будет забор, – сказала она твёрдо. – И каша на обед. И школа. Как всегда.

Ваня кивнул, но взгляд его скользнул к камышам. Там, где вода подходила к берегу, листья шевелились без ветра.

– Просто... вчера опять шелестело. Прямо у калитки, – он помолчал. – Я выглянул. Там никого не было. Но я слышал. Марья замерла. Молоток чуть не выскользнул из руки.

Она знала этот тон: не детский страх, а взрослое признание, что мир стал чуть менее надёжным.

– Ты опять это слышал? – она старалась говорить спокойно. – Или тебе показалось?

– Не показалось, – он наконец посмотрел на неё. – Я не маленький.

В дверях показалась Лида, младшая. Ей было семь, и она ещё верила, что если держать фонарик под подушкой, то тени не подойдут. В руках она держала потрёпанного зайца с одной пуговицей вместо глаза.

– Мам, а можно я сегодня не пойду к реке? – спросила она, теребя край кофты. – Мне там холодно.

Марья отложила молоток, присела перед ней на корточки, стараясь не показать, как у неё дрожат пальцы.

– Конечно, можно, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Ты будешь дома, поможешь тёте Насте с вареньем. Хорошо?

Лида кивнула, но глаза её всё равно были насторожёнными, как у зверька, который слышит шаги за стеной.

Из-за угла вышла соседка, тётя Настя. Она несла банку с вареньем и смотрела на Марию так, будто знала что-то, чего не стоило знать вслух. На поясе у неё висел маленький пучок сухой травы – обычная вещь в Заречье, вроде платка или ключа. Никто не говорил, зачем она нужна; все просто знали.

– Слыхала, – сказала Настя, ставя банку на скамейку. – Сегодня Самайн. В эту ночь граница тонкая.

Марья сжала губы.

– Настя, хватит. Детям и так страшно.

Тётя Настя покачала головой.

– Я не для того, чтобы пугать. Я для того, чтобы предупредить. В Заречье эту ночь не празднуют, её переживают. Говорят, духи приходят к тем, кто их зовёт. А иногда и к тем, кто просто не может забыть.

Марья почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Я никого не зову, – прошептала она.

– А он сам приходит, – тихо сказала Настя. – Потому что ты его не отпустила.

Они помолчали. Ветер тронул камыши, и они снова зашепестели, будто переговаривались.

– Расскажи мне про реку, – вдруг попросила Марья. – Про то, что раньше говорили. Про деда твоего.

Настя вздохнула, села на край скамейки и посмотрела на воду, будто искала там нужные слова.

– Дед говорил, что река помнит имена. Не просто так, а по-своему. Если человек умер, а покоя не нашёл, река шепчет его имя каждую ночь. Сначала тихо, как ветер в камышах. Потом разборчиво. А потом... – она запнулась. – Потом она начинает звать не только его. Она зовёт тех, кто остался.

– И что с этим делают? – тихо спросила Марья.

– В старые времена в Заречье знали границу. Её не рисовали на карте, её чувствовали. И в ночь Самайна, когда граница истончается, можно попросить о покое. Но плата всегда

будет личной. Не деньгами, не вещами – чем-то, что связано с памятью.

– Что значит «плата»? – спросил Ваня, который всё это время стоял рядом и слушал.

Настя посмотрела на него и чуть смягчила голос:

– Это значит, что ты отдаёшь что-то своё. То, что связывает тебя с тем, кого ты просишь отпустить.

– Как будто ломаешь мост, – тихо сказал Ваня.

Настя кивнула.

– Точно. Мост, по которому ты всё ещё бегал к нему в воспоминаниях.

– А если мост не ломать? – вдруг тихо спросила Лида. – Если он всё ещё нужен?

Настя наклонилась к ней, коснулась пальцами её лба, как будто хотела стереть оттуда страх.

– Иногда мост нужен, чтобы уйти. Но бывает, что он держит того, кто должен уйти. И тогда он тянет за собой тех, кто остался.

Лида прижала зайца к себе и ничего не ответила.

Пока Настя рассказывала, Марья краем глаза заметила, как соседка машинально поправила пучок травы на поясе. Это была не мода и не привычка – это был знак, что в Заречье знают: граница не только где-то там, она проходит рядом, и её нужно держать.

После ухода Насти Марья долго стояла у забора, слушая, как река шепчет что-то на своём языке. Потом она пошла

в дом, тихо, чтобы не разбудить детей. В спальне, в старом комоде, она достала из ящика старый ключ. Он был тяжёлый, с витой бородкой, и не открывал ни один замок в доме. Ключ мужа.

Она провела пальцем по металлу, вспоминая его руки, его голос. Но вместе с воспоминаниями пришло и другое: шорох у двери, тень в углу, ощущение, будто кто-то стоит за спиной и ждёт.

Когда-то они с мужем сильно поссорились из-за пустяка: он хотел поставить сарай прямо у воды, а она говорила, что нельзя трогать межевые камни. «Это просто старые булыжники», – смеялся он. А дед Насти, проходя мимо, покачал головой: «Межевые камни держат границу. Если сдвинуть один – тонкая линия поплывёт». Тогда она только фыркнула, а он махнул рукой: «Да ладно, дед всё бормочет». В тот вечер они почти не разговаривали. А через неделю он ушёл на рыбалку и не вернулся.

С тех пор Марья берегла эти камни. Один из них, самый крупный, с выбитой на боку полустёртой буквой «М», стоял у поворота реки, наполовину скрытый камышами. В прошлом году она заметила, что камень сдвинут. Совсем немного, будто кто-то подтолкнул его ногой. С того дня шорохи у калитки стали чаще.

Днём Марья собирала детей в школу. Лида никак не могла найти второй носок, и Марья, стоя на коленях посреди комнаты, перебирала кучу одежды, пока не наткнулась на ста-

рый конверт с выцветшими фотографиями. На одной из них муж улыбался, держа в руках тот самый ключ. Она на секунду задержала снимок в пальцах, а потом быстро спрятала его обратно. Не время.

– Мам, я готов, – сказал Ваня, застёгивая куртку. – Только... можно я Лиду провожу? А то она боится идти одна мимо камышей.

– Можно, – кивнула Марья. – Только быстро. И держитесь подальше от воды.

Дети ушли, и дом сразу стал слишком тихим. Марья принялась мыть посуду, чувствуя, как привычное дело пытается вернуть ей чувство контроля. Но даже скрип тряпки по тарелке звучал сегодня как-то иначе.

Потом она вышла во двор и остановилась у межевого камня. Провела ладонью по шершавой поверхности, где ещё угадывалась буква «М». Камень был холодным, будто впитал в себя всю сырость осени.

– Прости, – прошептала она, сама не зная, кому это говорит: мужу, реке или самой себе. – Прости, что не послушала деда. Прости, что позволила сдвинуть тебя.

И в тот момент, когда она опустила руку, камыши у берега шевельнулись так, словно кто-то прошёл сквозь них, не касаясь стеблей.

Вечером, когда дети легли спать, она села на кухне и долго смотрела на ключ. Потом достала старую тетрадь – в ней были записи деда Насти, местного знахаря, который знал про

границы лучше других. Там говорилось, что в ночь Самайна можно просить о покое, но плата всегда будет личной. Не деньгами, не вещами – чем-то, что связано с памятью.

И тогда она поняла, что должна сделать.

А ночью, когда дом затих, Лида проснулась от шороха у двери. Она села на кровати, вцепившись в зайца, и тихо позвала:

– Ваня...

Через минуту скрипнула кровать, и Ваня сел рядом, положил руку ей на плечо.

– Это просто ветер, – прошептал он. – Он не зайдёт. Я не пушу.

– А если он всё-таки придёт?

– Тогда я возьму фонарь и скажу: «Уходи. Это наш дом».

– А он послушает?

Ваня помолчал, потом тихо ответил:

– Не знаю. Но я скажу.

Они посидели так ещё немного, пока шорох не стих. Потом Лида снова легла, а Ваня ещё долго сидел на краю кровати, прислушиваясь к тишине, будто тишина могла что-то ему рассказать.

Перед рассветом Марья вышла на крыльцо. Воздух был густым, как кисель, и пах мокрой листвой и чем-то древним, будто сама земля вспоминала старые имена. Она посмотрела на межевой камень, потом на реку.

– Сегодня, – прошептала она. – Сегодня я всё исправлю.

Часть 2. Ночь Самайна

Сумерки в Заречье наступали рано, будто деревня сама торопилась спрятаться. К шести часам окна загорались жёлтыми квадратами, двери запирались на засов, а ветер приносил запах прелой листвы и чего-то металлического, как будто где-то рядом тёрли старое железо.

Марья смотрела на эти огни и чувствовала, как привычный мир сжимается до размеров крыльца, дома, детей. Она знала: сегодня ей придётся выйти за этот круг.

Перед уходом она зашла к тёте Насте. Та молча протянула ей маленький пучок травы, такой же, какой носила на поясе днём.

– Держи, – сказала Настя, не поднимая глаз. – Не для защиты. Для памяти. Чтобы не забыть, кто ты и откуда.

Марья взяла пучок, пальцы скользнули по сухим стеблям. – А раньше... – тихо спросила она. – Как раньше в Заречье отмечали Самайн?

Настя вздохнула, будто вспомнила что-то тяжёлое, и заговорила не спеша, как рассказывают детям, чтобы не напугать, но чтобы поняли.

– Раньше это была не ночь страха. Это была ночь порога. В старые времена на межевых камнях зажигали маленькие костры, чтобы граница не «поплыла». Женщины клали у порога хлеб и соль – не как угощение, а как знак: «Мы помним,

мы не зовём, но и не отказываемся». А старики читали имена тех, кто ушёл, чтобы река их не забыла, но и не тянула назад. Это был баланс: помнить, но не держать.

– И что изменилось? – спросила Марья.

– Перестали чувствовать границу. Сначала сдвинули камень, чтобы поставить сарай. Потом перестали зажигать костры. Потом и вовсе решили, что это просто сказки. А граница не любит, когда её забывают. Она начинает сама напоминать.

Марья сжала в руке пучок травы.

– Значит, я должна сделать то, что перестали делать другие.

Настя кивнула.

– Да. Но помни: если просишь о покое, плата всегда будет личной. Не хлебом, не солью, не деньгами. Чем-то, что связывает тебя.

Когда Марья вернулась домой, дети уже сидели на кухне. Ваня держал в руках старый фонарь с треснутым стеклом, а Лида прижимала к себе зайца.

– Мам, ты куда? – спросил Ваня, стараясь говорить спокойно, но голос всё равно дрогнул.

– Я ненадолго, – ответила Марья, застёгивая куртку. – Посидите тут. Дверь не открывайте. Если услышите что-то у порога – позовите Настю.

– А если Настя не придёт? – тихо спросила Лида.

– Тогда зажгите свечу и скажите: «Это наш дом. Мы пом-

ним, но не зовём». Просто скажите. Этого хватит.

Ваня кивнул, будто принял на себя чужую, взрослую ответственность.

– Мы скажем, – пообещал он.

И Марья вышла.

Деревня уже спала. Даже собаки молчали. Только река говорила на своём языке – низким, тягучим шёпотом, как будто перекачивала камешки и старые имена.

Чем ближе Марья подходила к воде, тем сильнее пахло сыростью и чем-то древним, будто земля вспоминала времена, когда люди ещё знали, как разговаривать с границей. Камыши шелестели, но теперь в этом звуке не было ветра – он шёл изнутри, из самой темноты между стеблями.

Она остановилась у межевого камня с буквой «М». Провела ладонью по шершавой поверхности, чувствуя холод, который забирался под кожу.

– Прости, – прошептала она. – Прости, что не слушала. Прости, что позволила сдвинуть тебя.

В тот момент, когда она отняла руку, камыши впереди разошлись сами собой, будто кто-то прошёл сквозь них, не касаясь стеблей.

Из воды вышла фигура в длинном плаще. Лицо скрывал капюшон, но Марья сразу поняла: это не человек. Ткань плаща была покрыта узорами, похожими на переплетённые корни и старые руны.

– Ты нарушаешь границу, – голос звучал эхом, будто сразу

отовсюду. – В эту ночь Самайна истончается.

Марья отступила, зацепившись за корягу.

– Я не хотела... Я просто...

– Просто что? – фигура сделала шаг вперёд. – Ты чувствуешь это? Холод? Запах прелой листвы? Это они зовут. Духи.

Она кивнула, чувствуя, как по спине бежит холодок.

– Я... я слышала, что в эту ночь можно попросить о чём-то. О прощении. О покое.

Дух замер. В его очертаниях промелькнуло что-то похожее на удивление.

– Просить можно. Но помни: цена может оказаться выше, чем кажется.

Марья сжала в кулаке старый ключ и пучок травы.

– Я прошу... чтобы он нашёл покой. Чтобы его тень больше не тяготила мою землю. Чтобы дети не слышали шорохов у двери.

Тишина повисла над водой, густая, как туман. Потом дух медленно кивнул.

– Быть по сему.

Но вместо того, чтобы исчезнуть, он протянул руку – длинную, тонкую, с пальцами, похожими на сухие ветки.

– Что ты готова оставить на берегу, чтобы он обрёл покой?

Марья посмотрела на свою ладонь. Потом на нитку с бусинами – единственную вещь, которую муж подарил ей до свадьбы. Она сняла её и положила на камень у воды.

– Вот, – сказала она тихо. – Это моё.

Дух наклонил голову.

– Принято.

В камышах что-то шуршало. Туман поднимался от воды и двигался прочь, будто уносил с собой холод. Марья почувствовала, как тяжесть уходит из груди, но в тот момент, когда она повернулась, чтобы уйти, она заметила: на мокром песке отпечатались не её следы, а чьи-то ещё – длинные, узкие, будто когтистые.

Она сделала шаг назад, и в этот момент река прошептала: «Теперь ты знаешь».

По дороге домой Марья шла быстро, но не бежала. Бежать означало признать, что за ней кто-то гонится, а она хотела верить, что сделка состоялась и граница снова держит.

Огни в деревне казались теперь не уютными, а хрупкими, как стекло, которое может треснуть от одного резкого звука. У калитки она остановилась, прислушиваясь. Тишина была слишком ровной, как бывает, когда кто-то затаился.

Пока Марья была у реки, Ваня сидел на кухне и старался не смотреть на дверь. Он знал, что если смотреть на дверь, то она обязательно скрипнет. А если не смотреть – может, и не скрипнет.

Лида уснула первой. Она свернулась калачиком, прижав к себе зайца, и дышала так тихо, что Ваня боялся, что не

услышит, если она вдруг проснётся. Он посидел ещё немного, потом взял фонарь и тихо вышел в сени.

Сени пахли старым деревом и пылью. Пол скрипел под ногами, и этот скрип казался Ване слишком громким, будто он кричал: «Я здесь! Я здесь!»

Он остановился у двери и прижался ухом к доскам. Сначала он слышал только своё дыхание. Потом – что-то ещё. Тихий, сухой шорох, как будто кто-то водил сухой веткой по стене снаружи.

Ваня сжал фонарь так, что пальцы побелели. Он вспомнил слова мамы: «Если услышите что-то у порога – скажите: „Это наш дом. Мы помним, но не зовём“».

Он открыл рот, но голос застрял в горле. Тогда он прошептал, сначала тихо, потом громче:

– Это наш дом, – сказал он, и собственный голос показался ему чужим, тонким, как у маленького. – Мы помним. Но не зовём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.